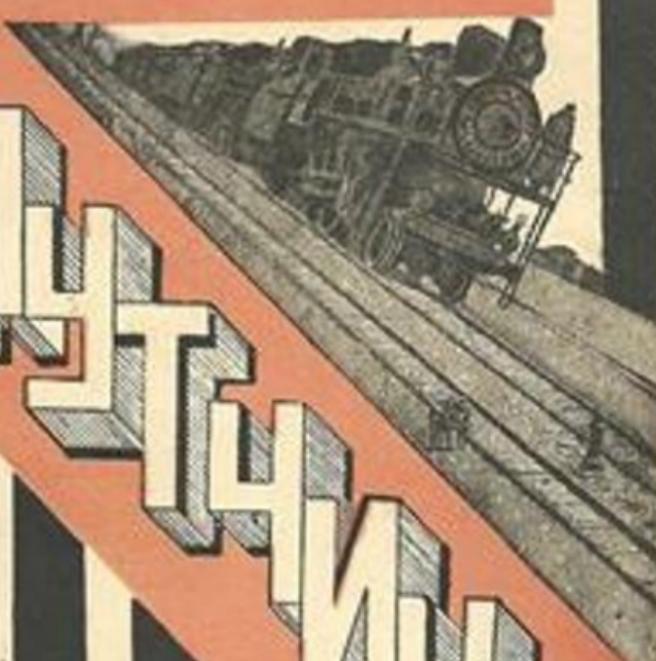

ЧЕ

одо
дует
и инициа

омброн

издательство

О. М. БРИК

НЕ ПОПУТЧИЦА

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД**

ГИЗ. № 4549. Главлит. № 7745. Москва. Напеч. 3.000 экз.

Типо-Лит. Т-ва „Печатия Яковлева“, аренд. 30 тип. М. С. Н. Х.
Петровка, Салтыковский пер., д. № 9. Тел. № 11-65.

НЕ ПОПУТЧИЦА

О. М. Брин

I.

В 12 часов ночи мимо столика прошла женщина. Сандаров въелся в нее глазами. Стрепетов привстал, раскланялся.

„Кто это?

„Велярская, Нина Георгиевна с мужем. Крупнейший делец“.

Сандаров не отрываясь смотрел на Велярскую.

„Она тебе нравится?“

„Очень“.

„Я полагал, что вы коммунисты обязаны питать отвращение к прелестям буржуазной дамы“.

„Обязаны“.

„Какой же ты в таком случае коммунист?“

„Плохой, должно быть“.

Велярские сели поблизости. Стрепетов встал — подошел.

„С кем это вы?“

„Так.—Коммунистик один“.

„Плюньте,— садитесь к нам“.

„Нет, неудобно. Может пригодиться“.

Велярский засмеялся.

„Тогда тащите его сюда“.

Жена замахала ручками.

„Нет, нет. Пожалуйста, избавьте. Обдевайтесь свои делишки без меня“.

Стрепетов стал прощаться.

„Заходите Стрепетов.—Мы все там же. Телефон только новый: 33-07.“

„Непременно. До скорого“.

Сандаров встал.

„Ты что? домой?“

„Да“.

„Посидим еще“.

„Нет, пора.“

Вышли.

„Тебе, я вижу, Велярская здорово понравилась“.

„А что?“

„Ты как-то притих“.

Сандаров молчал.

„Хочешь, я тебя с ней познакомлю?“

„Нет, не хочу“.

„Почему?“

„Есть причины“.

„Как знаешь“.

Стрепетов пошел к Тверской,— Сандаров к Мясицкой.
У фонаря Сандаров вынул записную книжку и вписал
Нина Георгиевна Велярская, т. 33-07.

II.

Соня Бауэр, секретарь Главстроя отшила двадцатого посетителя.

„Заведующий занят. Принять не может“.

Фраза злила ее: заведующий, тов. Сандаров, не был ничем занят: сидел у себя за столом и курил.

Подошел тов. Тарк.

„Ну что? все еще занят?“

„Вам я обязана сказать. Он ничем не занят, но не велел никого пускать“.

„В чем же дело?“

„Не знаю. Это продолжается целую неделю, изо дня в день“.

„А дела?“

„Стоят“.

„Чем вы это объясняете?“

Соня молчала.

„Вы как жена могли бы знать?“

„Я не жена, тов. Тарк. У коммунистов нет жен. Есть сожительницы“.

„Ну, как сожительница“.

„Мы живем в разных домах. Я не могу следить за ним. И не считаю нужным“.

„Напрасно. Мы партийные товарищи заинтересованы, чтобы он не свихнулся“.

„А вы думаете, что он свихнулся?“

„Не думаю, но считаю возможным. Сейчас опасное время“.

Соня пожала плечами. Тарк встал.

„Я вам советую повлиять на него. У него много недоброжелателей. Они будут рады, если с ним что-нибудь приключится. Если вам понадобится мой совет,— к вашим услугам. Это товарищеский долг“.

Вышел.

Соня знала, что у Сандарова много врагов, в том числе и тов. Тарк.

III.

Сандаров появился на пороге кабинета.

„Соня! Если надо что нибудь подписывать, давай сейчас, а то я ухожу“.

Соня захватила папку с бумагами и вошла в кабинет.

„Ты чего злишься? — Недовольна моим поведением?“.

„А ты доволен?“.

„Очень“.

„Тогда все в порядке“.

Сандаров подписал десяток бумаг.

„К тебе приходил Тарк“.

„Ну его к чорту“.

„По важному делу“.

„По партийному?“.

„Да“.

Сандаров продолжал подписывать.

„Что это такое?“

„Ходатайство конторы „Производитель“ об отстрочке сдачи на два месяца“.

„Отказать“.

Соня собрала бумаги.

„Сегодня партийное собрание. Ты будешь?“.

„А что сегодня?“.

„Доклад комиссии об организации яслей“.

„Может быть приду“.

„Твое присутствие очень желательно“.

„Мне надоели партийные собрания“.

„У тебя странный тон появился. Можно подумать, что ты работашь в партии для собственного удовольствия“.

„Чего ты злишься? — Я кажется никогда особых симпатий к партийным товарищам не чувствовал“.

Сандаров взял портфель и вышел.

Соня оглядела стол. Справа лежал блок-нот. Верхний листок был вкривь и вкось исписан. Соня внимательно просмотрела его, оторвала и спрятала в карман. На листке разнообразными почерками было написано одно только слово: Велярская.

IV.

Велярский встретился с компаньоном в кафе „Арман“.

„Ну что?“.

„Илохо“.

„А именно?“.

„Отказали“.

„Как же быть?“

„Не знаю“.

„Надо придумать“.

Компаньон пожал плечами.

„Я ничего не могу сделать. У меня там никого нет“.

Подошел Стрепетов.

„Скажите, Стрепетов; нет ли у вас кого-нибудь в Главстрое?“

„Очень даже есть“.

„Кто?“

„Член коллегии, Сандаров“.

„Ах вот как! — Слушайте, есть дело. Можете заработать“.

„К вашим услугам“.

Компаньон зашептал Стрепетову на ухо.

„Понимаю. — Но можно сделать лучше“.

„А именно?“

„Зачем отсрочка, когда можно получить деньги“.

„Какие деньги?“

„За работу“.

„Да работа не сдана, и не будет сдана в срок“.

„Понимаю, — но деньги все равно получить можно“.

„Каким образом?“

„Подавайте счета и получите деньги“.

„Ерунда“.

„Я вам говорю. — А работу сдадите когда-нибудь“.

Велярский расхохотался.

„Не глупо придумано“.

„Одним словом, — давайте счета, я все сделаю“.

„Приходите завтра в контору“.

„Ладно“.

Когда Стрепетов отошел, Велярский подмигнул своему компаньону.

„Не мешало бы загодя запастись знакомствами в Ч. К. как ты думаешь?“?

„Ни черта! Выкрутимся“.

V.

Сандаров был дома. Лежал на диване, — дремал.

Соня вошла; села за стол и молчала.

„Если ты хочешь говорить на тему о моей испорченности, то говори. Я — этого разговора начинать не буду“.

„Меня твоя испорченность мало трогает. Тем более, что сам ты от себя в восторге. Мне хотелось бы только выяснить наши с тобой отношения“.

„Какие отношения?“

„Личные.— Как никак мы с тобой уже два года сожительствуем“.

„И что же из этого следует?“

„Ничего не следует.— Но повидимому что то изменилось; и мне хочется знать, каковы будут наши отношения в дальнейшем?“

„Мы ничем друг с другом не связаны. Мы—коммунисты, не мещане; и никакие брачные драмы у нас, надеюсь, невозможны?“

„Я не собираюсь разыгрывать драму“.

„В чем же дело?“

Соня вскочила и с силой стукнула кулаком по столу.

„Ты разговариваешь со мной, как с девченкой, которая до смерти надоела. Если я тебе не нужна,— скажи. Сделай одолжение. Уйду и не заплачу. А вола вертеть нечего“.

„Соня!“

„Ничего не Соня! А будь любезен говорить на чистоту. Никакой супружеской верности я от тебя не требую. Но делить тов. Сандарова с какой-то там буржуазной шлюхой я тоже не намерена“.

„Что? что? что такое?!“

Сандаров вскочил с дивана. Соня швырнула ему в лицо исписанный листок. Сандаров взглянул на него и стиснул зубы.

„Тов. Бауэр, не думаю, чтобы такие скандалы соответствовали правилам коммунистической морали. Я предлагаю временно прервать нашу связь. Надеюсь, вы не возражаете? — Идите.“

Соня выбежала из комнаты.

Сандаров скомкал листок и бросил на пол. Потом поднял, разгладил и положил в ящик письменного стола.

VI.

Стрепетов поймал Сандарова у остановки трамвая.

„А я тебя ищу. Едем к Белярским“.

„Ты с ума сошел. С какой стати я поеду“.

„Чудак! Нина Георгиевна очаровательная женщина. Мне хочется васвести“.

„Ты иенормален“.

„Почему? Нина Георгиевна интереснейшая женщина. И к коммунистам относится очень мило. У нее был знакомый коммунист, который безумно ее любил“.

„Кто такой?“

„Пономарев какой-то. Армейский политрук“.

„А где он теперь?“

„Кажется убит,—или умер от тифа, она сама точно не знает“.

„Как ты сказал? Пономарев?“

„Да.—А ты его знаешь?“

„Нет! Что-то не помню“.

Стрепетов взял Сандарова под руку.

„Едем?“

„Да отстань, пожалуйста. Не хочу я знакомиться с твоей Велярской“.

„Она ж тебе понравилась?“

„Что ж из этого?“

Сандаров вскочил в трамвай. Стрепетов досадливо фыркнул.

„Чорт с тобой. Не хочешь, не надо. У меня к тебе еще другие дела есть. Зайду к тебе завтра на службу“.

Трамвай отошел. Стрепетов посмотрел вслед.

„Дурака валяет“.

И пошел по бульвару.

VII.

Соня нашла Тарка в Бюро Ячейки.

„Я решила воспользоваться вашим предложением и поговорить с вами серьезно о Сандарове“.

„А что случилось?“

„Нет, все то же. Но вы сами знаете, это всегда начинается с мелочей“.

„Правильно!— Но все таки конкретно, что вы имеете в виду?“

„Во-первых, он совсем перестал заниматься делами“.

„Ну, это не так страшно“.

„Во-вторых, у него появилась мода ругать коммунистов“.

„Это хуже“.

„Потом он стал как то легкомысленно разговаривать, франтить“.

Тарк взглянул на Соню.

„Скажите,—женщина здесь никакая не замешана?“
Соня молчала.

„Вы простите, что я вас так спрашиваю“.
Соня сжала руки.

„Хорошо. Я вам скажу. Здесь замешана женщина“. Тарк обрадовался.

„А! Вот видите.— Кто такая? Вы ее знаете?“

„Нет! Я ее не видела. Но знаю фамилию“.

„Ну!“

„Велярская“.

Тарк высоко поднял брови.

„Велярская, Велярская. Позвольте“.

Он вытащил из портфеля стопку бумаг.

„Конечно. Так и есть“.

„Что такое?“

„Велярский — наш контрагент. Один из владельцев конторы“. „Производитель“. Это должно быть его жена“.

Тарк заходил по комнате.

„Это может очень печально кончиться“.

Соня повернулась к нему.

„Я забыла сказать. К нему последнее время часто ходит какой то Стрепетов. Спекулянт явный“.

Тарк близко подошел к Соне.

„Необходимо последить за Сандаровым. Он может здорово влететь. Держите меня в курсе дела“.

Соня молча кивнула головой.

Когда она ушла, Тарк покрутил головой и взялся за телефонную трубку.

„Николай! — Это — ты? — Приходи сейчас ко мне в Бюро. Я расскажу тебе пикантную историю“.

VIII.

Велярская лежала на кушетке и читала.

Вонцел муж. Поцеловал ручку.

„Я сегодня ужасно разозлилась на твоего Стрепетова. Нахальный мальчишка и дурак“.

„Что случилось?“

„У вас, видите ли, какие-то дела в Главстрое; а я очень нравлюсь какому-то Сандарову, который в Главстрое. И вот я должна познакомиться с этим Сандаровым, что это очень важно для тебя, но и мне будет приятно, потому что Сандаров очень интересный“.

„Какая ерунда!“

„Я на него накричала. Сказала, что он мерзавец, и выгнала вон“.

„Правильно“.

„Прощу тебя к нам его больше не звать.— Еще не хватало, чтобы я впутывалась в ваши дела“.

„Да я его не уполномачивал с тобой об этом разговаривать“.

„Я уже не знаю кто кого уполномачивал, но мне это в высшей степени противно“.

„Ну, ну! Не так страшно. Никто тебя не неволит. Но если бы было необходимо, ты, думаю, не отказалась бы сделать это для меня“.

Вошла горничная.

„Барыня, вас к телефону“.

„Кто?“

„Не говорят“.

„А какой голос, мужской или женский?“

„Мужской“.

IX.

„Слушаю“.

„Это—Нина Георгиевна Велярская?“

„Да. Кто говорит?“

„С вами говорит некто Тумин. Вы меня не знаете. Я привез вам привет от вашего знакомого Пономарева“.

„Как? Он жив?“

„Нет, умер полгода назад от тифа. Разрешите мне зайти, я вам все расскажу“.

„Пожалуйста! Буду очень рада“.

„Когда прикажете?“

„Заходите завтра,—чата в три.“

„Слушаюсь“.

„Адрес вы знаете?“

„Знаю“.

„Значит, жду вас“.

„Непременно“.

Муж сидел на кушетке. Перелистывал книжку.

„Кто это звонил?“

„От портних“.

И поцеловала мужа в лоб.

X.

Перед заседанием Бюро, Тарк отозвал в сторону нескольких партийцев.

„Я вот насчет чего. Сегодня нам надо наметить кандидата на Парктконференцию. Был разговор о Сандарове. Так?“

„Да“.

„Я считаю его неподходящим“.

„Почему?“

я поеду в Москву, непременно зайти к вам и передать, что любит вас по-прежнему. Вот и все“.

„Бедный Пономарев! — Мне его очень жаль.— Скажите, а что он вам про меня говорил?“

„Что вы замечательная женщина, что у вас удивительные глаза и руки, что вы какая-то необыкновенно живая, настоящая, — что если я вас увижу, то непременно влюблюсь“.

Велярская засмеялась.

„Скажите, пожалуйста.— Ну и как вам кажется,— он прав?“

„Пока прав. Глаза и руки у вас удивительные. Об остальном не берусь судить по первому впечатлению“.

„А насчет того, что вы в меня влюбитесь?“

Тумин улыбнулся.

„Не исключена возможность“.

„Мерси. Вы очень любезны“.

Велярская подошла к зеркалу и поправила волосы.

Тумин пристально оглядел ее всю с головы до ног.

„Не смотрите на меня так. А то я волнуюсь, как на экзамене и очень боюсь провалиться“.

„Не бойтесь. В крайнем случае вы, надеюсь, не откажетесь от переэкзаменовки“.

Велярская расхохоталась.

Тумин встал и подошел ближе.

„Кроме шуток, Нина Георгиевна. У меня к вам серьезная просьба. Я человек грубый, — пролетарий. Ничего не знаю, ничего не видел. У вас тут культура, искусство, театры. Введите меня в курс всех этих прелестей. Займитесь культурно-просветительной работой“.

Велярская хохотала до слез.

„А вы можете арана заправить! Пустяки пролетарий! Если-бы такие были все пролетарии, от коммунизма давно бы ничего не осталось“.

„Ошибаетесь, Нина Георгиевна. Жестоко ошибаетесь.— Я пролетарий, коммунист. По убеждениям, по образу жизни, по работе я самый настоящий коммунист.— Вы думаете, если я хорошо одет, брит и причесан, я уже не могу быть пролетарием.— Ужаснейший предрассудок! — Пролетарий обязательно должен быть шикарен, потому что он теперь завоеватель мира, а вовсе не нищий, которому, как говорится „кроме цепей терять нечего“.

„А вы в партии?“

„Это неважно. Допустим, что я в партии не

состою. Разве я от этого перестаю быть коммунистом?“

„Я с вами не спорю“.

„Для партии требуются не просто коммунисты, а партийные работники. Дисциплинированные. Один в один. Без всякой отсебятины, — как в армии.— А я был бы белой вороной. Это плохо. Теперь я белая ворона среди беспартийных, — и это хорошо“.

Он вдруг осекся.

„Впрочем извиняюсь. Вам это должно быть совершенно неинтересно“.

„Напротив. Очень интересно. Я только не пойму, как это коммунист может быть не нужен коммунистической партии?“

„Почему не нужен? Очень нужен. Но не как член партии. Не все же коммунисты делают партийную работу.— Больше.— Можно быть прекрасным партийным работником и очень плохим коммунистом“.

Велярская села на кушетку и откинулась на подушки.

„Ну, вы мне совсем заталмудили голову. Я уже ничего не понимаю“.

Тумин подбежал и поцеловал обе ручки.

„Простите. Не буду больше. Я вам должно быть здорово надоел. Я пойду“.

„Нет, нет. Сидите. Мне с вами очень приятно“.

„Нет, я отправлюсь.— Если вам не скучно, пойдемте завтра куда-нибудь по вашему выбору. Начните свою культурно-просветительную работу“.

„Хорошо. Пойдемте“.

„Позвольте за вами зайти“.

„Да,—пожалуйста“.

Тумин ушел.

Велярская подошла к зеркалу. Попудрилась. Потом кликнула горничную.

„Позвоните портнихе, чтобы прислала платье непременно завтра к 6 часам; никак не позже“.

XII.

Велярский накинулся на Стрепетова.

„Послушайте, голубчик. Так же нельзя! Нина Георгиевна рвет и мечет“.

„Да уверяю вас,— я ничего такого не сказал. Чего она рассердилась, не понимаю“.

„Как не понимаете? Вы предлагаете ей дать Сандарову взятку патурой. Это же скандал.“

„Ничего подобного. Дамские штучки. Просто-на-просто попросил пойти со мной к Сандарову, потому что она ему нравится и он будет поэтому покладистей“.

„Мне объяснять нечего. Я понимаю отлично. Но она-то это воспринимает иначе. Она—не мы с вами“.

Стрепетов развел руками и отвернулся.

Велярский хлопнул его по плечу.

„Ну, не расстраивайтесь, Стрепетов. Все уладится. Просто вы неудачно подошли. Через некоторое время попробуйте еще раз“.

Стрепетов дернул головой.

„Ладно. Сделаем. А не выйдет так,—есть запас-ный путь“.

„Какой?“

„Через его секретаршу, тов, Бауэр. Коммунистка, но тем не менее женщина“.

Велярский захохотал.

„С вами, Стрепетов, не пропадешь“.

„Главное,—сама подошла. Вы—Стрепетов? Да. Ждете тов. Сандарова? Да. Я его секретарша. Очень приятно. То да се. Поговорили. Хочу свести ее в театр“.

Вышли на улицу. Стрепетова ждал извозчик.

„Вы домой? Я вас подвезу“.

Извозчик тронулся.

„Коммуниста надо брать умеючи. На культуру.

В этом батенька весь фокус“.

И хлопнул Велярского по колену.

XIII.

Тумин и Велярская ушли со второго действия.

„Может я ничего не понимаю, но это невыносимо скучно“.

„Вы грубый пролетарий“.

„Должно быть“.

Вышли на улицу.

„Пройдемтесь пешком. Хотите?“

„С удовольствием“.

Тумин взял Велярскую под руку. Медленно пошли по бульвару.

„Вы замужем?“

„Да.—А почему вы спрашиваете?“

„Так, просто. Интересуюсь“.

„А почему это вас интересует?“

„Да меня многое интересует, что вас касается“.

„Например?“

„Например, как вы проводите день? Что вы целый день делаете?“

„Ничего не делаю“.

„Решительно ничего?“

„То есть делаю: — читаю, гуляю, хожу в гости, в театр, к портнихе, за покупками“.

„А муж?“

„А муж занят своими делами. Приходит домой поздно, усталый, ложится отдохнуть, потом опять уходит. Иногда уходим вместе“.

„Так что вы как бы не замужем?“

Велярская засмеялась.

„Это и называется быть замужем. А быть вместе целый день называется иначе“.

„Как же?“

„Ну, — я думаю, вы не настолько грубый пролетарий, чтобы таких вещей не знать“.

Тумин крепче прижал ее руку к своей.

„Вы ужасно милая женщина, Нина Георгиевна.

Я понимаю Пономарева“.

„Уже?..“

Они засмеялись и пошли еще медленней.

„Странный вы человек! Вы спрашиваете, что я делаю? А что я могу делать? Трудиться?“

„А почему бы нет?“

„Как? В какой области?“

„У меня, конечно, может быть один ответ: — в коммунистической“.

„Пожалуйста! С громадным наслаждением; если это будет забавно“.

„Очень мило! Если это будет забавно!“

„Конечно. Если не забавно, то зачем я стану тогда делать?“.

Тумин нахмурился.

„Вот, вот. Тут-то оно и начинается“.

„Что начинается?“.

„Черта, — через которую не перескочишь“.

„Какая черта?“.

„Женская. — Все женщины такие. И самые квалифицированные особенно“.

„Я не понимаю про что вы говорите“.

„Я говорю про то, что забавного в коммунизме ничего нет, и что поэтому у коммунистов нет настоящих женщин, а есть такие, которые давно забыли, что они женщины. Поэтому коммунист

бежит к буржуазным дамам, корчит перед ними галантного кавалера, старается спрятать свой коммунизм подальше, потому что он, видите ли, не забавный,— и понемногу разворачивается”.

Велярская засмеялась.

„Это относится, как к членам партии, так и не членам, да“?

„Вы хотите сказать, относится ли это ко мне? Да, относится“.

Велярская заглянула ему в лицо.

„Вы как будто даже рассердились. Простите меня, если я в чем-нибудь виновата“.

Тумин отвернулся

„Вам смешно, а мне грустно. Женщина — ужасная вещь. Особенно для нас коммунистов. Хуже всякой белогвардейщины“.

Велярская отстранилась и высвободила руку.

„Ну, знаете! Если общество буржуазной дамы вам так вредно, то лично я могу вас от этой неприятности избавить. Я совершенно не заинтересована в вашем коммунистическом падении“.

Они подошли к подъезду.

Тумин прижал ее ручку к губам.

„Простите меня, Нина Георгиевна. Я вам чего-то наболтал. Больше не буду“.

„Просите прощения, как следует“.

Тумин взял обе ручки и поцеловал каждый пальчик.

„Ну, простила. Звоните мне“.

И скрылась за дверью.

Тумин постоял в задумчивости.

Подъехали двое на извозчике. Человек в котелке слез, а другой уселся поудобней.

„А Сандарова с Ниной Георгиевной я все-таки сведу“.

Котелок засмеялся и вошел в подъезд.

XIV.

Сандаров сидел в кабинете. Вошел Тарк.

„Я к вам по поручению ячейки“.

„Прошу“.

„За последнее время в ячейке много толков вызывает ваше поведение“.

„Мое?“

„Да, ваше“.

„Очень интересно! И что же говорят?“

„Говорят, что вы обуржуйлись“.

„В чем же это выражается?“

„В вашем отношении к партии,— в ваших суждениях.“

„Это, что я критикую наших партийцев?“

„Хотя бы“.

„А разве они не подлежат критике?“

Тарк поморщился.

„Тов. Сандаров,— не будем заниматься диалектикой. Вопрос ясен. Ячейка находит, что вы расхлябались и поручила мне сделать вам соответствующее указание“.

„Но, позвольте, тов. Тарк. Я желаю знать, в чем меня обвиняют. Мало ли какие у нас распространяются сплетни. На то ведь это и ячейка“.

„Видите! На то это и ячейка. Настоящий коммунист не станет так отзываться о своей партийной организации.

„А по вашему это не так?“

„Это другой вопрос. Может быть и так. Но отсюда не следует, что об этом можно говорить в таком тоне“.

Сандаров пожал плечами.

„У вас какая-то своя логика, мне повидимому недоступная“.

„В этом все дело“.

Сандаров заходил по комнате.

„Есть во всем этом какая то горделивая тщность; какое то нежелание прогрессировать,— боязнь сдвинуть что-либо с места. Вот мы такие. Всегда были и впредь будем. А если вам не нравится, то убирайтесь вон. На этом далеко не уедешь“.

„Ну, как сказать. Едем на этом уже четыре года, и кажется не плохо едем“.

„Да,— 4 года. Но теперь пора обновиться, стать шире, глубже“.

„Напротив. Именно теперь партийная сплоченность и выдержка особенно важны. А то недолго попасть в буржуазное болото“.

„Не так страшно. Партийный коммунист от этого всегда гарантирован“.

„Вы думаете?“

„За себя я во всяком случае ручаюсь“.

Тарк глянул в сторону.

„А ваш роман с госпожой Велярской?“

Сандаров быстро подошел к столу.

„Тов. Тарк,— я полагаю, что партийный контроль имеет известный предел и на некоторые чисто-

личные обстоятельства не распространяется. Не так ли?“

„Не совсем. Если эти личные обстоятельства отражаются на общественной физиономии члена партии, то партия вправе сказать свое слово“.

„В таком случае я требую партийного суда. А на сплетни отвечать не намерен“.

„Не волнуйтесь, тов. Сандаров. Я исполню волю ячейки и передаю вам все, что о вас говорят. Вы можете представить объяснения и вопрос будет исчерпан“.

„Никаких объяснений я не представлю; и разговаривать на эту тему отказываюсь“.

„Это ваше дело. Должен только заметить, что вопрос о госпоже Велярской приобретает особую остроту только потому, что она жена одного из наших контрагентов“.

„И что ж из этого следует?“

„А то следует, тов. Сандаров, что от романа с женой до спекуляции с мужем — один шаг“.

Сандаров бросился к Тарку.

„Вы с ума сошли, Тарк! Вы не слышите, что говорите“.

„Отлично слышу и считаю своим партийным долгом вас об этом предупредить“.

Сандаров подошел к двери.

„Тов. Тарк! я полагаю, что рисовать картину моего уголовного будущего едва ли входит в ваши партийные обязанности. Все что могли, вы мне сказали. А потому ваша миссия может считаться законченной“.

Тарк встал.

„Я доложу ячейке о результате нашей беседы“.

„Пожалуйста“.

Тарк вышел. Сандаров подошел к телефону.

„Дайте М. К. — М. К.? — Никого нет? — Передайте, что звонил Сандаров, из Главстроя и просил немедленно ему позвонить“.

XV.

Велярская сотый раз пододила к зеркалу и поправила волосы.

Отошла. Взяла книжку. Бросила.

„Маша! мне наверное никто не звонил?“

„Нет, барыня“.

„А вы никуда не уходили?“